

**Концепция творческой коммуникации
(из опыта психологических практик)**

// Сибирский психологический журнал. № 40. 2011. С. 152 – 164.

Аннотация. В статье обобщен опыт тренинговых психологических практик в виде концепции творческой коммуникации. Ее основу составляет концепция транскомуникации, разработанная автором в его ключевых работах. Автор переосмысливает основные уровни транскомуникативных процессов в контексте универсальных принципов творчества природы и культуры.

Ключевые слова: коммуникативный импульс; транскомуникативная ситуация; транскомуникативное пространство; коммуникативные миры; житнетворчество.

Вся рассматриваемая здесь пирамида концепций транскомуникации построена преимущественно на основе результатов наблюдений интенсивного общения в тренинговых группах, не исключая, конечно, наблюдения за общением в обычных повседневных условиях.

Здесь я не буду упоминать результаты многочисленных исследований с помощью ММКМ (Метод Моделирования Коммуникативных Миров), подтвердившие основную гипотезу о факторах транскомуникативного процесса [17; 20; 23; 24; 26; 35], но хочу сделать новый гипотетический шаг в русле постнеклассики и постметодологии.

Долгое время представлялись эффективными полевые формирующие эксперименты, где в качестве сложного экспериментального фактора выступала строго операционально сформулированная тренинговая программа взаимодействия. Двух-, пяти- кратные исследовательские и диагностические замеры изменений личностных и межличностных характеристик, кажется, давали недвусмысленную картину релевантных замыслу эффектов. Позже стало понятно, что эта схема содержит *самооправдательный фактор* как гипотеза, притягивающая подтверждение. Содержание исследовательских, диагностических техник должно быть релевантно содержанию тренинговых программ, а это существенно увеличивает вероятность самоподтверждающегося эффекта¹.

Современные требования включенности валидирующих процедур в исследовательский процесс при сохранении его релевантности психологической практике [7] предполагают возможно *радикальный пересмотр* синтеза исследования и изменений в тренинговых группах. На данном этапе я готовлю почву такого пересмотра на основе последовательного анализа базовых творческих факторов тренинговых коммуникативных миров в контексте теории транскомуникации.

¹ Иллюзию объективности создает формальная отделённость процедуры исследования от тренинга (схема «до - после»).

Существует множество классификаций тренинговых групп и групп интенсивного психологического опыта, основанных на различных базовых критериях: парадигмальном, проблемном, целевом, терапевтическом, развивающем (К. Рудестам, И. Ялом, Р. Качюнас, и др.) и даже аутентичном, названным именем создателей (М. Балинт, К. Роджерс, Ф. Перлз, Э. Берн и др.) [28; 41; 19; 3; 27]. В соответствии с задачей работы, мы предлагаем *критерий качественного погружения в коммуникацию*, полноценного в ней присутствия в плане жизнеосуществления. Смысл такого критерия видится в том, что он может оказаться универсальным для всех вышеперечисленных критериев. В коммуникации мы обнаруживаем многомерный синтез человеческой природы и культуры от рождения коммуникативного импульса до сотворения жизненного коммуникативного мира. Этот процесс здесь мы будем называть собственно *психологической практикой*. Её качество мы обнаруживаем в непосредственном психологическом *переживании и проживании* полноты присутствия и *приключения* в проблемном жизненном мире человека. Говоря о приключении, вспоминается крылатое выражение в йоге: «Лицо без морщин – все равно, что путешествие без приключений». Иными словами, творческая коммуникация всех уровней в группах разной направленности оказывается волнующим путешествием по еще неизведанным пространствам жизненных миров друг друга.

Современный ракурс проблемы

Групповая психотерапия, группа встреч, группа экзистенциального, трансперсонального, ноэтического опыта, психодрама, символдрама, психосинтез и другие формы групповой работы претерпевают в современную эпоху существенные кросскультурные изменения в связи с глобальными переменами в обществе XXI века. Перечислять эти изменения было бы излишне банально в силу их общеизвестности.

Лучше обратим внимание на одну сверхбанальность, которая оборачивается сверхпроблемой эффективности современных групповых психологических практик. Речь идет о само собой разумеющемся факте, о том, что любая психотерапевтическая практика, в том числе и «индивидуального консультирования», реализуется в специфической инициации и организации *коммуникативного процесса*. Именно в нем мы, прежде всего, и обнаруживаем признаки социокультурных изменений и рождения новых эпох. Ведь очевидно, что сегодня мы общаемся не так и не для того, для чего общались наши предки даже в начале прошлого века. Однако, поразительным образом, обнаруживается, что ключевые концепции человеческой коммуникации были сформулированы в первой половине XX столетия К. Юнгом, М.М. Бахтиным, М. Бубером, Дж. Мидом, Р. Якобсоном, Ю. Хабермасом, Т. Шибутани [5; 6; 21; 33; 36; 38; 39; 40].

С тех пор интерес в научных кругах (даже в социальной психологии) неуклонно падал к этому *родовому* в буквальном смысле процессу. Прошли сексуальные и бисексуальные революции, хиппи и феминистские движения, а попытка глобализации человеческих ценностей привела к кросскультурным напряжениям, террористическим угрозам и разноцветным переворотам. Одновременно «кнопочные» СМИ сменил «клавишный» Интернет, от аналоговых (континуально-интуитивных) представлений перешли к дискретным (цифровым, «пиксельным») репрезентациям.

Однако рефлексия того, что происходит с нашей сугубо человеческой коммуникацией, качественно трансформирующей нас самих, как будто потерялась или растворилась в дистанцирующих дисплеях и конъюнктурно неизбежных проводных и беспроводных связях. В какой степени человек становится кардинально другим в своих жизненных пространствах; как изменилась его коммуникативная среда, и какая в этой связи может быть затребована новая психологическая практика?!...

В свое время В. Франкл после Второй мировой войны видел новую перспективу в преодолении экзистенциального вакуума человека, отягощенного нооневрозами [32]. В то время можно еще было соотнести эту новую проблематику с концепцией экзистенциальной коммуникации К. Ясперса. Но что же предстоит современникам?

Хронический упрек человечеству – люди, становясь придатками созданных ими механизмов, уже думают механически и превращаются в винтики индустриальных конвейеров; далее становятся офисным «нанопланктоном» информационных систем и сетей. Сегодня этот упрек подогревается ностальгией древности, в которой мыслители были проще, свободнее, ближе к космосу, думали масштабнее и глубже, настолько, что этот рубеж кажется непреодолимым и сегодня [9]. Таким образом, усложняя свою информационно-технократическую цивилизацию, человек отдаляется от своей духовной сути и Вселенная также представляется чуждо мертвой, враждебной или утилитарно привлекательной.

В этом контексте с трудом отыскиваются в архивной пыли по меткому замечанию К. Уилбера попытки сформировать светлый взгляд на живой космос (речь идет о *забытой* книге Фехнера) [30; 25; 10]. Кажется, что остается все меньше шансов восстановить подобие макрокосмоса и микрокосма человека. Однако, в лице трансперсональных наук все же не исчезает свет в конце тоннеля. Если вернуться к творческой интуитивной открытости миру древних можно увидеть и иной зеркальный мир как *зазеркалье цивилизаций*, где каждое новое впечатление, откровение, изобретение, творческое создание содержит духовные и душевные вибрации, синхронистичные дыханию живого космоса. Симптоматично, что один из «революционно» настроенных трансперсоналогов Х. Феррер строит новую

эпистемологию соучастия, преобразующую опосредованное отношение к миру в «интимное единение с космосом». «...Чтобы мир раскрывал свои более глубокие тайны, ему требуется от нас меньше господства и подозрения и больше любви и космического доверия. По словам, Паниккара (1988), нам необходимо культивировать космическое доверие к реальности, предельные основания которого заключаются в почти универсальном убеждении, что реальность является упорядоченной – иными словами благой, прекрасной и истинной...космическое доверие – это не доверие к миру, к космосу. Это доверие самого космоса, частью которого мы являемся в силу того, что мы просто есть...само доверие – это космический факт, который мы более или менее осознаем и который мы все время заранее предполагаем...Глубокий океан этого наиболее открытого, плодотворного и гибкого универсализма – универсализма, который требует понимания не в изолированных личных внутренних переживаниях, величественных видениях или метафизических интуициях, а в интимном диалоге и единении с другими существами и миром» [31. С. 256, 276].

Акцент на творческих переживаниях в профессии и повседневности во всем их многообразии при долготерпении и толерантности может вернуть ослабленную гармонию духовного и материального (техногенного) измерений жизни человека. Однако, ослабленная рефлексия и пересмотр изменений в человеческой коммуникации сохраняет условия её «отвердевания вплоть до окоченения», особенно в сфере образования. «Сегодня существует два разных мира, употребляющих слово *образование* в противоположных смыслах. Один мир состоит из школ, колледжей и университетов, составляющих наш образовательный комплекс, в котором преобладает стандартизация. В этом мире мегаструктура индустриального тренинга стремится выпускать идентичные образцы продукции, называемой «люди, получившие образование для 21 века». Второй мир – мир информации, знаний и мудрости, в котором реальное население находится, когда не отбывает заключение в школах. В этом мире обучение и преподавание состоит в передаче мудрости добровольным слушателям» [1. С. 27]. Поэтому для понимания важных для современности акцентов в *меняющихся* психологических практиках, целесообразно себе вернуться к *пересмотру* концепции творческой коммуникации, которую уже пару десятилетий развиваю в рамках теории *транскомуникации* [12; 17]. Это связано с тем, что наиболее существенные достижения и изменения в психологических практиках связаны с транскомуникативными процессами.

Коммуникация как творческий процесс

Человеческая коммуникация образует мост или синтез творчества природы (сотворение *рода*, этноса) и культуры (поддержание социальных традиций и институтов).

Поэтому она предвещает и закрепляет любые социокультурные изменения. Но еще более важно исследование *метакоммуникативного источника* и «*архетипа обращения к высшим силам*», который обнаруживается в самых древних символах «человечности» в развалах археологических находок и свидетельствует о первичной *трансцендентальной интенции* человеческой жизни [11]. В таком ракурсе понятна онтологически «социальная», альтруистическая улыбка младенца. Она говорит нам не только о начале его социализации, но и о его духовной «протонойяльной» одаренности. Думаю, что представителю помогающих профессий, да и человеку вообще, этот метакоммуникативный контекст человеческой экзистенции желательно учитывать как можно чаще.

В заданном нередуктивном контексте хотелось бы развернуть в онтогенетическом плане четыре уровня, масштаба, «единицы» творческой сути человеческой коммуникации.

1. *Креативность коммуникативного импульса*

Отмечалось, что коммуникативный импульс уже легко обнаруживается в альтруистической улыбке младенца (в отличие от улыбки – удовольствия от питания) [29]. Однако не стоит забывать, что такой приятной встрече с мамой предшествовал ряд стрессогенных ситуаций родовой деятельности и внезапная встреча с абсолютно незнакомым «чужим» внешним миром. У взрослых эта проблема коммуникативной встречи, как правило, связана с конфликтом полярных мотивов – «жаждой изречения» и «страхом обреченности». Ибо встреча – это всегда выход за пределы «себя» в реальную *неопределенность* с переживанием *децентрации*. Но этот выход не гарантирован; можно провалиться в путсоту игнорирования, непонимания, отчуждающих насмешек или конфронтаций. Встреча как децентрация, как преодоление аутизма, эгоцентризма – это всегда риск. Но только в нем и проявляется первичный потенциал креативности и «достижений», т.к. *состоявшаяся встреча* (в отличие от механического взаимодействия) есть достижение, преодоление себя и открытие нового.

Таким образом, как ни парадоксально, коммуникативный импульс начинается со *стресс-мобилизации*. И если это эустресс (Г. Селье), т.е. собственно «*коммуникативный стресс*», то он индуцирует «транс» как переход границ, как децентрацию, что неизбежно увеличивает вероятность *отклика*, т.е. реализацию встречи. Поскольку здесь речь идет о *трансформации* новой энергии стресса в энергию транса, мы получаем первичное представление о транскомуникативном факторе (ТК-фактор) как стресс-транс-формации (СТФ). В этом случае реализация ТК-фактора коммуникативного импульса во встрече (с партнером или любым событием в жизненном мире человека) может рассматриваться как *первичное творческое достижение* в качестве переживания новой синтонности,

синхронистичности, т.е. *транса* как уже принципиально нового пикового переживания. Ранее я подробно описал структуру или векторное поле переживаний транскомуникации как единый цикл (что-то наподобие фрактала): катарсис – импринтинг – экстенсия – инсайт [12]. Поскольку они имеют интуитивно-эйдетическую феноменологию синтонности миру, я предположил, что этот первичный транс-фактор коммуникативного импульса образует структуру или поле *микроноззиса как духовное основание сотворчества* человека в его жизненном универсуме [12; 15]. Этому же соответствует возможно еще более важное следствие.

Креативность транса по любому вектору, особенно в катарсисе и инсайте, обнаруживает также удивительную синтонность и синхронистичность разнопорядковых, разноуровневых миров человека. Очищающий катарсис высокой мысли, эйдоса, чувства сопровождается *слезами*, перераспределением тонуса в органических процессах, соответствующих *физиологическому очищению*. Организм становится синтонен в меру своих возможностей нозтическому, духовному процессу в человеке. Инсайт как нозтическое духовное озарение сопровождается просветленной улыбкой, смехом с соответствующей синтонной органикой телесности. Получается, что транскомуникация делает сообщающимися разномерные миры: от метакоммуникативного метанозтического до протокоммуникативного телесного, т.е. в ней воплощается *трансцендентная призванность человека*.

2. *Творческий потенциал элементарной коммуникативной ситуации*

Рассматривая транскомуникативный фактор в более эксплицитном и дифференцированном плане, можно выделить основные функциональные моменты-позиции базовой коммуникативной ситуации. Это партнеры с циклически меняющимися позициями коммуникатора и реципиента; предмет общения, удвоенный в опыте партнеров, и, конечно, удвоенная интерпретация способов символизации «раздвоенного» партнерами предмета (язык, тезаурус, дискурс, стиль и т.п.) [12; 14].

Здесь отчетливо вырисовывается многосторонняя проблемная ситуация, требующая именно креативного решения в транскомуникативных инициативах партнеров. Уход в стереотипные конвенции «по поводу...» ведет скорее к фальсификации общения, недоразумения от которого могут сохраняться долго, но неизбежно приводят к взаимным разочарованиям. Конкретизируем проблемные неопределенности, требующие транскомуникативной инициативы партнеров при создании общей коммуникативной ситуации, которой еще нет. Нас интересуют две координаты – *интерактивная* (ориентация

партнеров друг на друга и друг в друге) и информативная (ориентация партнеров во встречных презентациях «предмет – язык»).

Эти проблемы имеют классические описания (М. Форверг – Ю. Шрейдер) и суть их в следующем [37; 43].

1) Я формирую интеракцию с партнером, исходя из *своего* образа себя и образа партнера, каким Я его себе представляю. Партнер, общаясь со мной, также исходит из *своего* (другого) образа себя и меня. В таком случае *фальсификация* общения или «мимоговорение» обеспечено.

2) Предъявляя предмет общения якобы общепринятыми языковыми средствами, я исхожу из уникального, сокровенного опыта их освоения, а при этом партнер поступает точно также. Таким образом, *фальсификация* якобы общего информационного, смыслового поля так же достаточно очевидна.

Даже длительные квазинаучные дискуссии об определении общего смысла опыта и единства интерпретаций тезаурусов и дискурсов могут создать лишь временную успокаивающую иллюзию договоренности (Р. Барт «S/Z»)² [4].

Коммуникативные тренинги, тренинги сензитивности и т.п. практики, формирующие культуру обратной связи и дающие представления о том, как мы друг друга чувствуем, что мы думаем друг о друге при ближайшем (психоаналитическом, феноменологическом или экзистенциальном) рассмотрении, обнаруживают трудно преодолеваемые препятствия. При этом представим, что в обычном спонтанном общении такие формы погружения в череду моментов меняющейся коммуникативной ситуации, по сути, не реальны. Этим я хочу подчеркнуть, что в любой коммуникативной ситуации без инициативного риска ее спонтанной креативной транскомуникативной «перепланировки», точнее «сплавления», не обойтись.

На самом деле естественный, интуитивный, творческий способ воссоединения коммуникативной ситуации в жизни существует, хотя и трудно рефлексруется (что может быть и к лучшему, имея в виду «проблему сороконожки»). Этот процесс в общении я обозначил как одновременная, лучше «синхронная обратная связь» (СОС) [18]. Этот феномен стар как мир человека, его яркие следы находят в палеолите, в древнем искусстве [11].

Человеческая коммуникация издревле протекала как динамическая синестезия аудиальных и визуальных, интерактивных и эмотивных образов. И в современном общении

² Ярким примером такой дискуссии по бесконечному распаковыванию смыслов дискурса является работа Р. Барта «S/Z» – первое знаменитое эссе интертекстуальности и практический опыт постструктуралистской деконструкции текста.

задействованы все эти векторы синестезии и трансформации, даже когда речь идет о специализированных «деформированных» формах односторонней публичной коммуникации – псевдомонологе (лекции, докладе, «проповеди» и т.п.). Конкретно это выглядит следующим образом. Когда я *произношу* длинную речь *слушателям*, где на поверхности односторонняя аудиальная коммуникация, то синхронно, многие из вовлеченных в процесс, становятся коммуникаторами в визуальном канале, имея множество средств (часто неосознанных), показывающих свое понимание – непонимание, согласие – несогласие, принятие – непринятие, важность – неважность, внимание – игнорирование, вовлеченность – безразличие, соразмышление – отвлеченность, восторг – возмущение... Этот многомерный спектр визуальной коммуникации кажется бесконечным – не менее, чем аудиальная болтливость коммуникатора.

Спонтанно реагируя в качестве реципиента на всю эту мозаику встречной визуальной информации, я синхронно могу импровизировать множеством лингвистических и паралингвистических вариаций речевого сообщения. Вспомним, что только интонация может нести от 70 % (и более) важной смысловой информации. Таким образом, внешне односторонний монолог может оказаться интенсивным творческим диалогом, если я в качестве протагониста погружен с СОС (SOS!)³. Синхронный интуитивный «перевод», трансформация визуальных образов – ответов в аудиальные речевые образы рождает *трансмыслы* именно этой коммуникативной ситуации. Я и партнер становимся соавторами творческого транскоммунитивного процесса.

3. *Творческая динамика коммуникативного пространства личности, группы, организации*

Коммуникативное пространство – это по-сути функциональная дифференциация рассмотренных коммуникативных ситуаций в конкретных социокультурных контекстах, где культурно-исторически определились основные типы, уровни и формы общения: контакты, беседы, диалоги, отношения. В прежних моих работах представлены матричная, структурно-динамическая, функционально-уровневая и холархическая модели коммуникативного пространства [12; 17]. Для рассмотрения здесь коммуникативного пространства как динамического творческого процесса и потенциала личности и группы необходима новая его репрезентация в виде смыслообразующего пульсирующего поля коммуникативных форм разных уровней психоэнергетической плотности. Если двигаться от глубинного ядра к границам этого поля, вырисовывается следующая картина транскоммунитивных интенций:

³ SOS – *Save Our Souls or Save Our Spirits*. Здесь это многомерная метафора.

архетипические «пресубпозиции»⁴ *контактов* (неожиданный контакт глаз, взглядов со спонтанно возникающей симпатией или антипатией); ситуативные интересы, образующие почву для *бесед* с формированием позиции собеседников; актуализированные компетенции в решении проблем, рождающие интенсивные *диалоги и дискуссии*; ценностно-смысловые личностные диспозиции, рождающие *жизнетворческие отношения*.

Каждый уровень коммуникативного пространства, как видим, имеет определенную специфику креативности. В контакте – это интуитивная пронизательность и смелость взгляда; в беседе – креативная оригинальность дискурса; в дискуссии – остроумное решение проблемы; в отношениях – это талант их установления и развития. Целостная творческая потенциализация коммуникативного пространства образуется кумулятивностью, транзитивностью и транскомуникативными переходами между указанными разноуровневыми формами общения и переносами их специфических потенциалов. В жизни крайние варианты таких транскомуникативных переносов известны как «любовь с первого взгляда», или же напротив, такое же спонтанное агрессивное, паническое отвержение. В пределах устанавливающихся отношений эти креативные потенциалы у всех по-разному, но все-таки стабилизируются, а транскомуникативные переходы облегчаются. Конечно, помимо этого, происходят и неожиданные, или постепенно зреющие вихреобразные конфликтные процессы.

В группе или организации эти процессы образуют психологическую атмосферу. А люди сами по себе, видимо, очень отлично друг от друга переживают и осознают масштабы и пределы своего коммуникативного пространства. Думаю, что система кросскультурных исследований могла бы строить картографию этих коммуникативных пространств, прогностически ценных для разных сфер жизни общества.

4. Транскомуникативное сотворение жизненного мира человека

Речь идет о наиболее емком и живом универсуме бытия человека как личности, который, кажется, приходит с самим младенцем – с его трансцендентным криком, а чуть позже с той самой альтруистической улыбкой. Этот феномен – рождение личности и ее жизненного мира – пробный камень всей психологии. Существует множество его интерпретаций от *микроскопической* психосоматической телесноориентированной до *макроскопической* трансперсональной парадигм. Отчасти мы их обзор делали в предыдущих работах [12; 13; 14; 15; 16; 17]. Здесь же мы сконцентрируемся на креативном аспекте жизненного мира человека.

⁴ Используется психолингвистический термин, рассмотренный В. А. Звегинцевым в работе «Предложение и его отношение к языку и речи» как наиболее адекватно отражающий природу контакта как единицы коммуникации.

Многие годы я наблюдаю, что коммуникативный мир личности студента в группе как созвездие уникальных добровольных избирательных, ориентированных на взаимность отношений по важным аспектам (семантика партнера, интереса, переживания времени – т.е. хронотопа) совпадал или был похож на её повседневный коммуникативный мир за пределами конкретной группы. Иными словами, из группы в группу от первичной (семейной) до разных последующих компаний, тусовок, организаций, коллективов человек нес в себе и с собой какую-то синхронистичную *архетипическую или паттермальную структуру как потенциально вакантную* [17]. Человек ищет свой коктейль уникальности – избирательности – взаимности для полноты (оптимума) самореализации и роста. Наблюдая как студенты заполняют бланк Метода Моделирования Коммуникативного Мира (ММКМ), я видел, как часто они удивляются и смущаются своим результатам («с кем...и зачем...»). Вырисовывалась гипотеза: человек чувствует *отчетливый диссонанс*, общаясь не с тем и не о том. Однако было видно, что коммуникативные миры многих были отягощены этими неаутентичными отношениями. Вторая часть гипотезы в определенном смысле прояснялась концепцией экзистенциальной коммуникации К. Ясперса (я чувствую согласие с Богом в молчании моей совести) [42]. Она вела к трансцендентному ноэтическому пониманию природы коммуникативного мира личности как её «духовного кокона». Если гипотеза верна, то коммуникативный мир выглядит как высшая ступень *со-творчества, со-присутствия* в духовной жизни и ноэзисе. Она определяет и высшую степень самореализации как *сореализации и соучастия* [31]. В предыдущих работах мы показали, что именно в масштабе коммуникативного мира в течении всей жизни человека происходит творческая потенциализация базовых человеческих отношений и качественный духовный рост как самовозрастание через прото-, орто-, пара- и *метанойю*, где метанойя (в отличии от акмеологических концепций) может стать вершиной духовного роста в последний период и момент жизни человека [12; 14].

В данном контексте стоит отметить отличие этой гипотезы от концепции человека в качестве *субъекта* как «созидателя», «вершителя», «решателя» не только его личных, но и общественных проблем без рефлексии того «откуда он сам» и «куда он придет в конце концов». Таким образом, концепция коммуникативного мира достаточно определенно высвечивает область пересечения общей и социальной психологии, в которой человек – это не особь - субъект, а созвездие живых потенциально транзитивных и надситуативных, т.е. *транскоммунитивных отношений*.

С точки зрения этой концепции социально-психологических моделей групп как непосредственных коммуникативных сетей, структур, иерархий выглядят упрощенно.

Наблюдая за групповой динамикой в тренинге я часто замечал, как каждый или большинство членов группы выбирали релевантных себе партнеров, строили с ними своеобразные уникальные отношения, а с остальными вели себя скорее формально-нормативно. Часто получалось, что даже в группе из 7 человек каждый строил свой уникальный коммуникативный мир, даже если и со всеми, то *очень по-своему*. Группа неизбежно становилась многомерным пространством личностных коммуникативных миров. Именно в этом ракурсе личность и группа оказываются соразмерны друг другу, а транскомуникация возникает как естественный процесс. Эта картина абсолютно противоположна плоской социограмме, где каждый как-то связан (позитивно, негативно или нейтрально), но *напрямую* с каждым участником.

Отсюда ключевая идея дальнейшего развития психологических практик. Необходимо разрабатывать стратегии психологической помощи, формирования и совершенствования коммуникативных миров личности в группах и организациях.

Литература

1. Акофф Р., Гринберг Д. Преобразование образования / пер. с англ. Ф.П. Тарасенко. – Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2009.
2. Ассаджиоли, Р. Психосинтез: принципы и техники. М.: Психотерапия, 2008.
3. Балинт М. Базисный дефект: Терапевтические аспекты регрессии. М.: «Когито-Центр», 2002.
4. Барт Р. S/Z. – М.: Академический проект, 2009.
5. Бахтин М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники / Под ред. И.Т. Фролова. – М.: 1986.
6. Бубер М. Проблема человека. М., 1992.
7. Бусыгина Н. П. Проблема качества качественного исследования: принципы научной и этической валидации // Методология и история психологии. Т.4 вып.3, 2009. С. 106 – 131.
8. Вацлавик П., Бивин Дж., Джексон Д. Психология межличностных коммуникаций. СПб.: Речь, 2000.
9. Вернадский В.И. Автотрофность человечества // Русский космизм. М.: Педагогика-Пресс, 1998. С. 282 – 302.
10. Друри Н. Трансперсональная психология. – Львов, 2001.
11. Екинцев В.И., Замарехина И.В. Коммуникативный потенциал личности: диагностика и развитие: учебное пособие. Чита, 2010.

12. Кабрин В.И. Коммуникативный мир и транскомуникативный потенциал жизни личности: теория, методы, исследования. М.: Смысл, 2005.
13. Кабрин В.И. Личность как встреча // Личность в парадигмах и метафорах: ментальность, коммуникация, толерантность. Томск. 2002. С. 73-103.
14. Кабрин В.И. Ноэтическая коммуникация: на пути к релевантному исследованию психологического опыта // Методология и история психологии. Т.4. Вып.3. 2009. с. 5 – 24.
15. Кабрин В.И. Психологический универсум человека ноэтического // Психологический универсум образования человека ноэтического. - Томск, 1999. С. 47 – 59.
16. Кабрин В.И. Транскомуникативный подход как постметодология современной ноэтической психологии жизни // Теория и методология психологии. Постнеклассическая перспектива / Под ред. А.А. Журавлева, А.В. Юревича. М., 2007. С. 172 – 194.
17. Кабрин В.И. Транскомуникация и личностное развитие. - Томск: Изд-во Томского государственного университета, 1992.
18. Кабрин В.И. Транскомуникация: феномен и принцип синергии трансперсональных процессов // Революция сознания: трансперсональные открытия, которые меняют мир. Материалы 17 Всемирного трансперсонального конгресса, 23 – 27 июня 2010 г. / Сост. и ред. В.В. Козлов, В.В. Майков, В.Ф. Петренко. – М., МТА, МАПН, 2010. С. 119 – 127.
19. Кочюнас, Р. Психологическое консультирование. Групповая психотерапия. Учебное пособие для вузов. ГРИФ. – М.: Академический проспект, 2008.
20. Лебединская С. В. Тренинг метафоричности как условие самореализации личности. Дисс. канд. психол.наук: 19.00.01: Томск, 2009.
21. Леонтьев А.А. Психология общения. М., 1974.
22. Любарт Т. Психология креативности . М.: Универс, 1993
23. Мацута В.В. Аутокоммуникация человека: функциональный аспект. Дис. канд. психол. наук: 19.00.01: Томск, 2010.
24. Муравьева О.И. Основные стратегии в структуре компетентности. Дис. канд. психол. наук: 19.00.05: Томск, 2001.
25. Налимов В.В. Спонтанность сознания. М.: Прометей, 1989.
26. Пяткова О.А. Динамика транскомуникативных состояний личности в социально-психологическом тренинге. Дис. канд. психол. наук: 19.00.05 Томск, 2007.
27. Роджерс, К. О групповой психотерапии. М.: Гиль-Эстель, 1993.

28. Рудестам, К. Групповая психотерапия. СПб.: Питер, 2006.
29. Субботский Е.В. Генезис личности. Теория и эксперимент. М.: Смысл, 2010.
30. Уилбер, К. Интегральная психология. Сознание, Дух, Психология, Терапия. М.: Изд-во Тексты Трансперсонального института, 2004.
31. Феррер Х. Новый взгляд на трансперсональную теорию. Человеческая духовность с точки зрения соучастия. М.: Изд-во трансперсональной психологии, Изд-во К. Кравчука, 2004.
32. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.
33. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. М.: Наука, 2006.
34. Частоколенко Я.Б. Динамика первичного творчества в коммуникативном процессе тренинга креативности. Диссертация... кандидата психологических наук: 19.00.05: Томск, 2004.
35. Карнаухов Д.А. Коммуникативные аспекты ментальных карт участников образовательного процесса. Дис. канд. психол. наук: 19.00.05: Томск, 2004.
36. Шибутани Т. Социальная психология. Ростов н /Д.: «Феникс», 1999.
37. Шрейдер Ю. А.Тезаурусы в информатике и теоретической семантике, "Научно-техническая информация. Сер. 2", 1971, № 3.
38. Юнг К. Аion. Исследование феноменологии самости. М.: Рефл-бук, Ваклер, 1997.
39. Юнг К.Г. Синхроничность. - М.: Рефл-бук, Ваклер 1997.
40. Якобсон Р. В поисках сущности языка // Семиотика. Под ред. Ю.С. Степанова. М.: Радуга. 1983. С. 102 – 118.
41. Ялом, И., Лесц, М. Групповая психотерапия. Теория и практика. СПб: Питер, 2009.
42. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1994.
43. Vorweg M. Sozialpsychologisches Training. Jena, 1971.

THE CONCEPT OF CREATIVE COMMUNICATIONS (FROM EXPERIENCE PSYCHOLOGICA AN EXPERT)

Kabrin V. I. (Tomsk)

Summary. In article experience training psychological an expert in the form of the concept of creative communications is generalized. The author has developed the theory of transcommunications which is presented in its key works. The author reinterprets the basic levels of transcommunicative processes in a context of universal principles of creativity of nature and culture.

Key words: a communicative impulse, a transcommunicative situation, transcommunicative space, the communicative worlds, a life creativity.

Кабрин Валерий Иванович, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии личности, научный руководитель лаборатории психологических практик Томского государственного университета (Томск). E-mail: kabrin@list.ru.